

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

А. Д. Трахтенберг

Интернет как альтернативная
социальность в пространстве
постмодернистского дискурса

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Trahtenberg_RAPN.pdf

URL: <http://www.civisbook.ru>

**Пятый Всероссийский конгресс политологов
Москва, 20-22 ноября 2009 г.**

**ИНТЕРНЕТ КАК АЛЬТЕРНАТИВНАЯ
СОЦИАЛЬНОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ
ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО ДИСКУРСА¹**

Анна Давидовна ТРАХТЕНБЕРГ

кандидат политических наук,
отдел философии,
Институт философии и права,
Уральское отделение РАН,
Екатеринбург

Доклад представлен на Пятый Всероссийский конгресс политологов.

Сессия:

Исследовательский комитет РАПН «Информационные технологии в политике».

Специальное заседание:

T41 «Интернетизация» политики как объект исследования».

21 ноября 2009 г.

¹ Работа выполнена в рамках гранта РГНФ № 08-03-83307а/У.

Интернет можно рассматривать в качестве своеобразного «подарка судьбы» для постмодернизма - настолько идеально он вписался в существующие теоретические модели. В нем с равной легкостью можно обнаружить хабермасианское гражданское общество, «семантическую геррилью», излюбленную теоретиками культурных исследований, ризомные структуры, описанные Делезом, буквальное воплощение рассуждений Деррида о «децентрации» и т.д. и т.п.² В результате сетевое сообщество начало ассоциироваться с тем «великим сообществом», которое вытеснит «великое общество» и заменит холодные и бездушные отношения господства и подчинения общением равных в виртуальном пространстве, т.е. превратилось в воплощение «альтернативной социальности».

При этом сами создатели соответствующих теорий могли и не подозревать, что именно Интернет явится их буквальным воплощением. Типичным для этого направления являются рассуждения типа: «Десять лет назад Фредрик Джеймсон написал классическую статью о постмодерне. Он включил в свою характеристику постмодерна торжество поверхности над глубиной, симуляции над реальностью, игр над серьезностью, то есть те самые качества, которые характеризуют компьютерную эстетику. В то время, по мнению Джеймсона, постмодерну недоставало объекта, который мог бы его репрезентировать... Десять лет спустя после того, как Джеймс написал свое эссе, такой объект появился»³. Данное высказывание принадлежит автору одного из первых эмпирических исследований восприятия пользователями информационно-коммуникационных технологий Ш. Таркл и датируется 1995 годом. Еще примерно десять лет спустя М. Фуллер написал уже не о Ф. Джеймсоне, а о Ж. Делезе и Ф. Гваттари, что «хотя они почти бесполезны, когда речь заходит об электронных медиа, в их книгах можно найти инструменты для их критического описания»⁴. Так, Делез и Гваттари не сознавали, что идеальной машиной для ассамбляжа как способа войны с позиционными системами является именно подключенный к Интернету компьютер и т.п. Подобные высказывания можно множить и дальше, но смысл очевиден – Интернет стал воплощением тех представлений об альтернативной социальности, которые существуют в современной (и не только современной) левой мысли.

² Интернет можно наделять даже характеристиками соборности, что было с успехом проделано Е. Горным еще на заре развития русского «Живого Журнала» - см.: Gorny, E. Russian LiveJournal: National specifics in the development of a virtual community. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.ruhr-uni-bochum.de/russ-cyb/library/texts/en/gorny_rljl.htm. Проверено 15.09.2008.

³ Turkle Sh. Life on the Screen. Identity in the Age of the Internet. N.Y.: Symon & Schuster, 1995. Pp. 45 – 46.

⁴ Fuller M. Behind the Blip: Essays on the Culture of Software. L.: Autonomedia, 2003. P. 20.

Как не без яда заметил в связи с этим Дж. Уинтроп-Янг, можно говорить о счастливом спасении старомодной теории с помощью современной технологии, так что «технология обосновывает теорию, а теория возвышает технологию»⁵.

Невольно возникает подозрение, что объект, так легко укладывающийся в любые разновидности постмодернистского дискурса, на самом деле не соответствует ни одной из них, особенно с учетом того, как быстро исследователи Интернета в свое время перешли от осторожной оценки открывающихся перспектив к безоглядным восторгам по поводу того, что именно сулит появление Всемирной Сети.

В самом начале 90-х годов, когда Всемирная Сеть только начинала развиваться, один из ранних пионеров киберпространства Г. Рейнгольд, описывая новые возможности, открывающиеся перед пользователями, предупреждал, что, хотя новые технологии обладают гигантским уравнивающим потенциалом, «всегда существует опасность, что большая власть и большие деньги найдут способ подчинить себе виртуальные сообщества; большая власть и большие деньги всегда находили способы подчинить себе новые сообщества, которые возникали в прошлом. Сеть пока еще в основном находится вне контроля, но как долго это будет продолжаться?»⁶.

Однако последующая эпоха «Бури и натиска» заставила забыть об этом осторожном предупреждении, и породила экстатические ожидания выхода за пределы реальности и преодоления телесности. Например, Е. Сааринен заявляла, что «в двадцатом веке гегелевское Понятие стало реальным в мире электронных коммуникаций. Компьютерные сети связывают мир для гегелевского Духа»⁷, а другой неопит киберпространства М. Бенедикт, восклицал, впадая в мистический экстаз: "Мы все станем ангелами в вечности! Изменчивыми ангелами-гермафродитами, навеки запечатленными в компьютерной памяти!"⁸ и сравнивал киберпространство с Градом Небесным, который, в противоположность Эдему, воплощает мудрость, а не невинность, преодоление природы и материи, а не интимный контакт с ними, символическое общение, а не асоциальную реальность.

Можно предположить, на отношение левых академических кругов в происходящем переменах повлияло возрождение надежды на торжество над инструментальной логикой позднего капитализма путем использования ее новейших

⁵ Winthrop-Young G. Cultural Studies and German Media Theory // New Cultural Studies: Adventures in Theory. Athens, Georgia, 2006. P. 96.

⁶ Rheingold H. The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier. [Электронный ресурс]. N.Y.: Perseus, 1993. Режим доступа: <http://www.rheingold.com/vc/book/> Проверено 01.12.2008

⁷ Saarinen E. Imagologies. Media philosophy. L.: Routledge, 1994. P. 3.

⁸ Цит. по: Stallabras J. Empowering technology: the exploration of cyberspace. New Left Review, N 211, May-June 1995. P. 23.

порождений. Сочетание убежденности в необходимости вытеснения глобального капитализма с его торжеством рынка и холодными и бездушными отношениями господства и подчинения «сообществом равных» с болезненным осознанием полной невозможности такого вытеснения подталкивает левых интеллектуалов к тому, чтобы видеть в Интернете средство радикального спасения. Впрочем, одновременно это порождает и острую тревогу по поводу того, что глобальный капитализм сумеет подчинить своей логике и этот новый оплот свободы в мире тотального отчуждения, и заставляет прилагать усилия, чтобы избежать данной перспективы.

В результате формируется весьма специфическое восприятие новых информационно-коммуникационных технологий, во многом приходящее в противоречие с повседневными практиками их использования. Интернет, мобильный телефон и т.п. превращаются в «возвышенный объект идеологии» и наделяются целым рядом трансцендентальных характеристик. Механизм этого превращения представляет значительный интерес, поскольку отражает глубинные противоречия современного антикапиталистического дискурса и хорошо вписывается в давнюю интеллектуальную традицию отождествления Технологии и альтернативной социальности/реальности.

Впервые на связь между кантианской категорией «возвышенное» и образом Машины в индустриальном обществе указал в 1964 году Лео Маркс в классической работе «Машина в саду», положившей начало «символической школе» культурно-технологических исследований. Анализ Л. Маркса был осуществлен на дискурсивном материале «американской мечты», но описанный им феномен оказался типичным не только для американской культуры, хотя в ней он, разумеется, приобрел свою специфическую форму. Л. Маркс ввел особый термин «Технологическое возвышенное» (“Technological Sublime”) для описания отношения к машине как «к трансцендентному символу, физическому объекту, наделенному политическими и метафизическими идеальными свойствами»⁹.

Л. Маркс открыл новое направление культурно-технологических исследований. Вместо того, чтобы рассматривать технологическое развитие как автономный процесс, подчиняющийся исключительно внутренней логике, исследователи научились видеть в технологических изобретениях и устройствах «социально обусловленные структуры коммуникации, которые включают и сами технологические формы, и связанные с ними [нормативные] протоколы»¹⁰, а саму коммуникацию рассматривать как культурную

⁹ Marx L. The Machine in the Garden. Technology and the Pastoral Ideal in America. 2nd ed. N.Y.: Oxford Univ. Press, 2000. P. 36.

¹⁰ Gitelman L. Always Already New: Media, History and the Data of Culture. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 2006. P. 7.

практику и как ритуальное взаимодействие, основанное на общих онтологиях репрезентации.

Создатель теории коммуникации как ритуала Дж. Кэри ввел уточняющий термин «Электрическое возвышенное» (“Electric Sublime”), с помощью которого описал риторику «секулярного миллениаризма», окружающую первое средства коммуникации, использующего электричество – электрический телеграф¹¹. Он показал, что электрический телеграф знаменовал культурный и социальный прорыв не просто в технике, но в самом понимании коммуникации. По мнению Дж. Кэри, телеграф впервые отделил трансляцию символов от транспортировки вещей и тем самым создал модель коммуникации как передачи информации (“transmission model”), которая впоследствии, преобразованная усилиями Шэннона, Уивера и Винера, легла в основу современной модели компьютерной коммуникации. Парадокс состоял в том, что телеграф, разрушая традиционную религиозную модель коммуникации-ритуала, одновременно понимался и описывался в сугубо религиозных терминах.

Не случайно первой фразой, переданной С. Морзе по электрическому телеграфу, была фраза: «Вот что творит Бог!»¹², а статьям об электрическом телеграфе традиционно предпосылалась библейская цитата: «Можешь ли ты посылать молнии, и пойдут ли они и скажут ли тебе: “Вот мы”!»¹³. Это был один из бесчисленных укоров Господа Иову, с целью доказать Телеграф как универсальное средство коммуникации одновременно знаменовал торжество над пространством и временем, победу «духа» над «материей» и приобщение человека к божественной власти и всемогуществу.

С помощью телеграфа казалось возможным уничтожить пространственные барьеры и воплотить в реальность идеалы «прямой демократии» и соседского сообщества. Уже в 1838 году, пытаясь убедить конгресс выделить средства на свою работу, С. Морзе сформулировал классическую метафору «электронного сообщества», которую вслед за ним повторило множество пророков коммуникативной революции, включая М. МакЛюэна и А. Тоффлера: «настанет пора, когда вся поверхность этой страны будет покрыта нервами, которые будут, со скоростью мысли распространять известия о том, что случилось по всей стране; все жители на деле будут превращены в соседей»¹⁴.

Более того, телеграф должен был позволить снять не только ограничения, наложенные социальной реальностью, но и ограничения, наложенные реальностью как

¹¹ См.: Carey J.W. Technology and Ideology: The Case of Telegraph // Communication as Culture: Essays on Media and Society. N.Y.: Routledge, 1989. Pp. 201 – 230.

¹² Числа, 23:23.

¹³ Иов, 38:35.

¹⁴ Цит. по: Czitrom D.J. Media & the American mind: from Morse to McLuhan. Chapel Hill: Univ. of Carolina Press, 1982. P. 12.

таковой, и обеспечить прямой выход за ее пределы. Дж. Скоунз подробно описал такое явление, как «небесный телеграф», использовавшийся спиритами в ходе своих сеансов и пришел к выводу, что «спиритуализм породил первый образ «электрического того света», невидимого утопического царства, порожденного электронными технологиями, и достижимого их посредством»¹⁵. На технологию были возложены функции, которые в традиционном обществе выполняет религия: именно технология должна была обеспечить преодоление телесности и конечности бытия. Именно поэтому Дж. Скоунз не скрывает своего скептического отношения к постмодернистской риторике преодоления телесности. Для этого историка культуры «киберпространство», «виртуальная реальность» и прочие манифестации Интернета являются не более, чем очередной «совместной иллюзией», а сам постмодернизм имеет мало общего с реальным человеческим опытом взаимодействия с медиа и миром, и представляет собой только «более специализированную инкарнацию популярных форм оккультной литературы»¹⁶.

Однако время безоглядных восторгов и «ангелов в вечности» все-таки прошло. Современные исследователи все чаще осознают, что в Сети начинают доминировать процессы «закрытия» и она все больше приобретает черты, характерные для средств массовой информации. В Интернете явно преобладают коммерческие структуры, озабоченные исключительно производством и поставкой пользующейся спросом информации. Пользователи, со своей стороны, концентрируются на небольшом количестве наиболее популярных порталов и сайтов, и в значительной степени игнорируют возможности для гражданского участия, предоставляемые Сетью (или же требуются направленные усилия для того, чтобы их к этому побудить, о чем свидетельствует опыт социальных сетей). Уже высказываются опасения, что если эти тенденции возобладают, модель Интернета как публичной сферы, основанной на прямом участии граждан в рациональной дискуссии на основе открытого доступа и уважения принципов культурного многообразия «станет заповедником для кучки твердолобых теоретиков, с одной стороны, и для самых бедных и недопредставленных сообществ – с другой»¹⁷, и превратится в маргинальную, не представляющую ни коммерческого интереса для рынка, ни стратегической угрозы для государства.

Таким образом, сочетание убежденности в необходимости вытеснения глобального капитализма с его торжеством рынка и холодными и бездушными отношениями господства и подчинения «сообществом равных» с болезненным

¹⁵ Sconce J. *Haunted Media: Electronic Presence from Telegraphy to Television*. Durham & London: Duke Univ. Press, 2000. P. 57.

¹⁶ Там же. P. 192.

¹⁷ Frau-Maigs D. *Civil Society's Involvement in the WSIS Process: Drafting the Alter-Agenda* // Servaes J., Carpentier N., eds. *Towards a Sustainable Information Society*. Bristol: Intellect Books, 2006. P. 92.

осознанием полной невозможности такого вытеснения подталкивает левых интеллектуалов к тому, чтобы видеть в Интернете средство радикального спасения. Впрочем, одновременно это порождает и острую тревогу по поводу того, что глобальный капитализм сумеет подчинить своей логике и этот новый оплот свободы в мире тотального отчуждения, и заставляет прилагать усилия, чтобы избежать данной перспективы. Все более популярным является поиск новых форм «медиа-активизма», которые позволили бы взорвать коммерциализирующийся, т.е. все более подчиняющийся логике глобального капитализма, Интернет изнутри.

В работе «Соппротивление – это сдача», Славой Жижек, обсуждая кризис подстмодернистской левой мысли, обратил внимание на ее симбиотические отношения с тем самым глобальным капитализмом и его политическим выражением – либеральным государством, которое она так резко критикует: левые «действуют как супер-эго, с комфортом бомбардируя государство все новыми и новыми требованиями; и чем сильнее государство старается удовлетворить эти требования, тем большая вина на него возлагается»¹⁸. Именно поэтому главным объектом критики левых являются не откровенные диктатуры, но либеральные демократии, которые постоянно обвиняются в лицемерии. Однако для того, чтобы занять позицию «супер-эго», необходимо опираться на некие трансцендентальные ценности, что ставит левых мыслителей, гордящихся отрицанием любых «больших нарративов» в весьма парадоксальную позицию. Им нужен возвышенный объект, с помощью которого возможен выход за пределы инструментальной логики позднего капитализма, однако этот объект не должен быть трансцендентальным, являться сверхценностью и т.п.

Как известно, сам С. Жижек нашел выход из этого парадокса с помощью теории Лакана о Реальном, поставив на место трансцендентального объекта Реальное как разрыв символического порядка, обнажающий «Ничто абсолютной негативности». Это позволило ему определить возвышенное не как эмпирический объект, своим несоответствием Идее указывающий на наличие трансцендентальной вещи-в-себе, а как «объект, замещающий, занимающий, восполняющий пустующее место вещи как вакуума, как чистого Ничто абсолютной негативности»¹⁹. Абсолютная негативность по Жижеку может воплотиться только в «жалких, совершенно случайных вещественных ошметках», к которым, собственно, и сводится возвышенное в современных условиях, а актом символизации *par excellence* становится ритуал погребения²⁰. С позиций этого подхода Интернет и прочие

¹⁸ Žižek S. Resistance Is Surrender // [Электронный ресурс]. London Review of Books, 15 November 2007. – Режим доступа: <http://www.lrb.co.uk/v29/n22/print/zize01.html>. Проверено 15.10.2008.

¹⁹ Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: Художественный журнал, 1999. С. 206.

²⁰ Там же. С. 218.

современные коммуникационные технологии являются не более, чем одними из множества симптомов, свидетельствующих об омертвлении и истощении полноты Реального.

Однако «диалектическая спекуляция» Жижека – это далеко не единственно возможный способ поиска возвышенного объекта в современности. Если словенский философ ищет выход за границы символического порядка позднего капитализма на путях апологии Ничто, другие критики капитализма пытаются найти Нечто, выражающееся не в «ошметках», а имеющее собственную символическую логику, противостоящую господствующей инструментальной иерархической логике.

Взяв за основу все того же Лакана, крупнейший немецкий теоретик медиа Фридрих Киттлер, как и подобает фрайбургскому приват-доценту, поставил его «с головы на ноги», указав, что в построениях французских постструктуралистов имеется слепое пятно, связанное с непониманием роли технологии в генезисе их собственной теории. По формулировке Киттлера, «технологически возможные манипуляции фактически определяют, что станет дискурсом»²¹ и детерминируют формирование и эволюцию дискурсивных систем (“Aufshreibersystem”). Дискурсивные системы – это прежде всего системы технологий и связанных с ними социальных институтов, которые позволяют отбирать, сохранять и производить значимую с точки зрения той или иной культуры информацию. С этих позиций структурализм де Соссюра – не более, чем производное от изобретения пишущей машинки, а постструктурализм Лакана – производное от возникновения компьютера (так что главной работой этого автора становится лекция «Психоанализ и кибернетика»²²).

В тот момент, когда появились фонограф Эдисона и аппарат братьев Люмьер, возникла возможность хранить и воспроизводить звуки и образы, не прибегая к их кодированию через алфавитное письмо. Классическая «Дискурсивная система 1800» распалась на три основных регистра, и превратилась в «Дискурсивную систему 1900». Главное отличие этой дискурсивной системы от предыдущей состояло именно в том, что она построена не на символической медиации посредством Женщины-Природы, а на записи с помощью звуковых и электромагнитных волн, визуальных и акустических эффектов. В результате Воображаемое начало формироваться за счет кино: последовательность кадров в киноленте в точности соответствует «зеркальной стадии» Лакана, когда ребенок переживает свое несовершенное тело как совершенное отражение в зеркале. Реальному соответствует фонограф, который, вне зависимости от намерений и

²¹ Kittler F. Gramophone, Film, Typewriter. Stanford, Cal.: Stanford Univ. Press, 1999. P. 10.

²² Kittler F. Literature, Media, Information Systems. Amsterdam: OPA, 1997. Pp.142 – 143.

желания записывающего, фиксирует наряду со значимыми словами шума и помехи, которые и образуют исходный предсимволический порядок. Письмо остается носителем Символического, однако после изобретения пишущей машинки это символическое сводится к конечному набору алфавитных значков и утрачивает трансцендентальную составляющую. Складывается принципиально новая дискурсивная система, породившая, в числе прочих Фрейда и Лакана.

Наибольший интерес для Киттлера представляет переход от «Дискурсивной системы 1900» к «Дискурсивной системе 2000», в центре которой оказывается компьютер. В «Дискурсивной системе 2000» все до этого различавшиеся способы хранения и производства информации объединяются на основе дигитализации, так что само понятие «медиа» как посредника утрачивает смысл. Исчезают и последние остатки классической дискурсивной системы: письма более не существуют, его замещают «микроскопические записи [на компьютерном чипе], которые, в противоположность историческим инструментам письма, могут читать и писать самостоятельно»²³. Тем самым на место гегельянского идеала полностью опосредованной Историей и поэтому разумной Реальности становится реальность, опосредованная компьютерной операционной базой, а Символическое и Возвышенное становятся характеристиками компьютерной коммуникации. Соответственно, «следует отказаться от традиционного подхода к власти как к функции так называемого общества, и, напротив, попытаться создать социологию на основе архитектуры компьютерного чипа»²⁴.

Таким образом, технологический редукционизм Киттлера превращает возвышенный объект идеологии в компьютерную коммуникацию, субъектом, а точнее носителем которой (поскольку для воинствующего антигуманиста Киттлера субъект – не более, чем эпифеномен, порожденный «Дискурсивной системой 1800») является не конечное человеческое тело, а компьютер как универсальная машина. Инструментальная логика оказывается единственно возможной логикой, а для борьбы с ней оказывается необходимым перейти к машинам, которые программировали бы себя сами, порождая максимальное количество шума²⁵.

²³ Kittler F. Literature, Media, Information Systems. Amsterdam: OPA, 1997. Pp.147.

²⁴ Op. cit. P. 162.

²⁵ Киттлер сам осознает, что «машина, программирующая сама себя» подозрительно похожа на того самого субъекта, существование которого он решительно отрицает: «в том, как я пытаюсь описать машины, в которых существует острая необходимость, и которые, вполне возможно, возникнут в недалеком будущем, глаза некоего философа из Дубровника [Жижека] могут впасть в соблазн узреть скрытое под эволюционным прикрытием лицо человека. Может быть, и так» // Kittler F. Literature, Media, Information Systems. Amsterdam: OPA, 1997. Pp.155.

Последователь Киттлера Бернхард Зигерт довел его взгляды до логического предела: у Зигерта субъект (“*mensch*”) как конструкт немецкой классической философии и классической литературы оказался эпименоном определенного устройства почтовой связи в Священной римской империи германской нации, где в силу ряда причин бюрократ по имени Вольфганг фон Гёте получил возможность отправлять и получать письма бесплатно, и тем самым контролировать процесс коммуникации (наведения типографских галлюцинаций). Отсюда особый статус письма в эпоху Романтизма и становления бюрократического государства (для Зигерта это синонимы): оно не информирует получателя, а создает двойник отправителя, способного осуществлять полицейский надзор над душой того (точнее, той), кто читает письмо. Именно поэтому по Зигерту, структуру дискурсивной системы в целом определяет «почтовое априори», тот способ, каким в обществе циркулируют письма. В «дигитализированной» Дискурсивной системе 2000 «почтовое априори» таково, что «коммуникация – это всегда присутствие шума, отсутствие шума – это отсутствие коммуникации (трансляция без энтропических потерь равносильна присутствию Божьему), поэтому трансляция и вообще направления коммуникации определяются правилами кодирования»²⁶. Только наличие интерфейса заставляет людей верить, что в Дискурсивной системы 2000 они переписываются между собой по электронной почте. Это – чистой воды нарциссизм: на самом деле сама с собой давно уже общается Универсальная машина, а людям остается только гадать, что перед ними – закодированное послание или очередной «белый шум».

Как видим, отказ от Трансцендентального в конечном счете заставляет выбирать между «Ничто» и «Универсальной машиной», а альтернативная социальность вытесняется альтернативной реальностью Сети. Как честно признает Зигерт, коммуникация, которая лишена присутствия Бога, и лишена присутствия Женщины, становится присутствием Шума как Другого, как паразита, который разрушает смыслы: «кодирование более не служит целям Индивида, а только целям самой коммуникативной системы»²⁷, причем начало машинной коммуникации означает конец коммуникации человеческой.

Конечно, попытки Жижека, Киттлера и Зигерта выйти за пределы истории отличаются крайним радикализмом. Существуют и менее радикальные версии «трансцендентализации» компьютерно-опосредованной коммуникации, не претендующие на историософский статус. Однако эти версии вполне вписываются в логику противопоставления сущего (Интернет, каким он становится) и должного (Интернет, каким он должен быть), в рамках которой Интернет как должное выполняет сразу

²⁶ Siegert B. *Relays: Literature as an Epoch of the Postal System*. Stanford. Cal., Stanford Univ. Press. 2001. P. 262.

²⁷ *Op. cit.* P. 255.

функции Воображаемого и Реального, в то время как на долю реального Интернета остается только функция Символического.

Соответственно, вполне логичным шагом становится поиск уже не альтернативной социальности, а альтернативного Интернета. Первый шаг в этом направлении сделал сам Ф. Киттлер, когда указал на необходимость «максимизации шума» и создания непрограммируемых, и, следовательно, не подчиненных иерархической логике «Майкрософта» и «ИВМ» систем. Впрочем, для теоретиков гражданского общества и публичной сферы такой подход оказался слишком радикальным. Они пытаются найти способы формирования новых организационных структур, способных предотвратить коммерциализацию и идеологическое «закрытие» Интернета, и с неохотой признают, что «понятие «полного участия» является «демократическим воображаемым» или утопией»²⁸.

Однако в рамках критической теории более популярным является поиск новых форм «медиа-активизма», которые позволили бы взорвать коммерциализирующийся, т.е. все более подчиняющийся логике глобального капитализма, Интернет изнутри. Соответственно, на место семантической геррильи в классическом понимании Стюарта Холла приходит «спекулятивный софтвер» М. Фуллера. Этот теоретик исходит из того, что необходимо «вытащить ковер из-под ног» традиционного нормализованного софтвера, который формирует пользователей по своему образцу, и тем самым купюрует их протестный потенциал и лишает их свободы в общении с компьютером. Для этого необходимо покончить с представлением о компьютерах как о воплощении Символического (как справедливо отмечает Фуллер, культ математического совершенства и чистых форм напрямую ведет к классическому идеализму), и выйти в сферу Интернета как Реального, т.е. как несводимого к символам хаотического остатка. Только таким образом удастся освободить и Интернет, и пользователя.

При этом М. Фуллер весьма скептически относится к так называемому «социальному софтверу», под которым он понимает свободное программное обеспечение. По его мнению, главный недостаток свободного программного обеспечения порожден его же достоинством: это софтвер, в котором программист и пользователь практически совпадают, и именно поэтому они не могут вырваться из замкнутого круга навязанных извне технических ограничений: «Они свободны с точки зрения свободы слова, но несвободны, если речь идет о свободе мысли. Их действия определяются покорным подчинением стандартам, установленным «Майкрософтом»²⁹. Например, предлагаемое в рамках свободного ПО офисное обеспечение ориентировано на Microsoft Office, т.е. его

²⁸ Cammaerts B., Carpentier N. The Unbearable Lightness of Full Participation in the Global Context: WSIS and Civil Society Participation // Towards a Sustainable Information Society. Bristol: Intellect Books, 2006. P. 23.

²⁹ Fuller M. Behind the Blip: Essays on the Culture of Software. L.: Autonomedia, 2003. P. 25.

творцы сознательно отказываются от возможности творчески подорвать и разрушить изнутри офисную культуру.

В противоположность социальному софтверу спекулятивный софтвер использует потенциал всех уже существующих программ для того, чтобы создать принципиально новые связи между данными, компьютерами и сетями. В этом смысле он представляет собой творческую рефлексию над софтвером. Задача состоит в том, чтобы «попасть туда, куда попасть не предполагалось, заглянуть за электрическое мелькание и сделать видимыми те динамики, структуры, режимы и движущие силы, которые стоят за каждым микрособытием на экране»³⁰. Отметим в скобках, что с точки зрения Киттлера-Зигерта это сделать невозможно, просто потому, что «заглянуть за электрическое мелькание» некому за полным отсутствием в Дискурсивной системе 2000 автономного субъекта, способного отличить послание от шума.

Однако М. Фуллер в столь глубокие пучины анализа не спускается, и в качестве примера ссылается на проект «Естественный отбор», представляющий собой программу, встраивающуюся в работу поисковых систем и дестабилизирующий эту работу. В результате на стандартные запросы даются ответы, призванные заставить пользователя рефлексировать над своей ситуацией как пользователя: например, в ответ на запрос о расписании самолетов можно получить выход на сайт, на котором содержится список людей, погибших в результате применения анти-иммиграционного законодательства, а запрос, содержащий «расистски окрашенные термины» спровоцировать компьютерный вирус, бомбардирующий пользователя стихами поэта с Ямайки. Те самым пользователям помогают понять, что за строкой поисковика скрывается целая культура ассоциаций, подчиненных господствующим властным отношениям и указывают пути выхода из этих отношений. Одновременно Интернет приобретает «пластичность куколки», постоянно порождающей противоречивое, бесполезное и забытое. Нетрудно заметить, что спекулятивный софтвер имеет все черты «радикального декодирования» по С. Холлу и представляет собой типичный образец семантической герильи, однако радикальное декодирование господствующих смыслов опирается на технологический процесс и носит механический характер.

Соответственно, главным героем протестного движения становится хакер, способный на «игры с кодом» и порвавший с традиционной программистской системой ценностей. В лучших постмодернистских традициях «спекулятивный хакер» М. Фуллера отказывается проводить различие между формой и содержанием, что и позволяет ему «найти в коде правду».

³⁰ Fuller M. Behind the Blip: Essays on the Culture of Software. L.: Autonomedia, 2003. P. 32.

Модель «спекулятивного софтвера» убедительно демонстрирует расхождения между реальными практиками пользования Интернетом и метафизическими конструкциями, основанными на представлении об «Электрическом возвышенном». Есть подозрение, что программа «Естественный отбор» не столько подтолкнет пользователя к рефлексивности, сколько побудит его провести очистку своего компьютера от вируса, чтобы вернуться в нормализованное пространство Интернета, где на запрос приходят деконтекстуализированные и иерархически структурированные ответы. М. Фуллер, в отличие от Ф. Киттлера, не стремится элиминировать человека из компьютерной коммуникации, однако он стремится максимально ослабить его контроль над этой коммуникацией, надеясь, что регулярно попадая «не туда», он осознает наконец, насколько узким и ограничивающим является нормативное «то», которому он подчиняется.

Таким образом, антикапиталистическая риторика, начав с воспевания Интернета как технологии освобождения, обратилась на сам Интернет: оказалось, что виртуальная реальность нуждается в освобождении не в меньшей мере, чем социальная. Современный постмодернистский анти-капиталистический дискурс продолжает искать технологическое решение, которое позволило бы покончить с технологическим инструментальным разумом, породившим гегемонию глобального капитализма. В этих поисках Интернет выполняет функцию «Электрического возвышенного», дающего надежды на формирование альтернативной социальности и альтернативной реальности.

Критика постмодернистского дискурса требует радикальной смены позиции. Вместо вопроса «Как возможна альтернативная социальность?» необходимо поставить вопрос «Как возможен Интернет?». В рамках анализируемого нами дискурса данный вопрос в принципе не ставится – Интернет воспринимается как данность, еще раз подтверждающая любимый тезис о необходимости и желательности снятия ограничений, наложенных на индивида существующими формами социальности. Если вопрос о появлении Интернета вообще задается, то ответ на него дается в рамках латентной логики развития средств коммуникации: ЭВМ + телефон = Интернет. Между тем, как показал Майкл Уорнер, эта логика на самом деле является результатом развития целого комплекса дискурсивных практик, функционирующих таким образом, что «их социальные следствия и риторическое значение исчезают из поля анализа, только для того, чтобы вновь появиться в мистифицированной форме латентной логики развития самой технологии»³¹. Поэтому вопрос о том, как латентная логика развития технологии коммуникации привела к

³¹ Warner M. *The Letters of the Republic: Publications and the Public Sphere in Eighteenth-Century America*. Cambridge, Mass., 1990. P. 8.

появлению Интернета и очередной версии «спасения через Электричество», следует переформулировать в вопрос о том, какой комплекс дискурсивных практик сделал ее возможным.

Постмодернистский дискурсивный комплекс, регулирующий восприятие Интернета, указывает, и в каком направлении шло развитие той самой технологии, латентную логику которой как будто бы стремился выразить. Интернет не просто воплощает мечту об альтернативной социальности: он во многом родился в утопическом пространстве этой мечты. В настоящее время принято считать, что идея Сети была сформулирована Дж. Ликслайдером, сотрудником Агентства перспективных исследовательских проектов (ARPA) Министерства обороны США, который сумел увидеть в вычислительных машинах средства коммуникации: «указав на феномен сообщества, порожденный совместным использованием ресурсами системы, Лик натолкнул на мысли о том, как связать такие сообщества»³², из чего и возник АРПАНет – непосредственный предшественник Интернета. Характерно, что Дж. Ликслайдер назвал группу компьютерных специалистов, работавших под его руководством «интергалактической сетью».

На самом деле культурные предпосылки возникновения Интернета были много сложнее. В настоящее время в рамках культурно-технологических исследований появилась целая серия работ, связывающих развитие Интернета с альтернативной культурой (Р. Барбрук, В. Моско, Ф. Тернер, П. Черуцци, Дж. Эббейт и др.).

Так, Ф. Тернер подробно и в деталях продемонстрировал, как Интернет-культура связана с субкультурой молодежного протеста 60-х – 70-х годов XX века. Как заявил в 1972 г. будущий Интернет-гуру и активист коммунитаристского движения С. Брэнд: «готовы вы или нет, компьютеры идут к людям. Это отличная новость, может быть, лучшая с тех пор, как изобрели ЛСД»³³. Психоделики и компьютер объединяет общий миф о преодолении телесности, а хиппи и ученых – презрение к существующим бюрократическим структурам и культ свободного поиска³⁴. В конечном счете американские левые увидели в компьютерах «малую технологию, которая позволит изменить умы и реформировать общество»³⁵, и самое главное – позволит пользоваться плодами индустриального общества, не испытывая чувства вины, и используя их как

³² Hauben M. Behind the Net: The Untold History of the ARPANET // [Электронный документ]. Режим доступа: <http://www2.dei.isep.ipp.pt/docs/arpa--2.html> . Проверено 15.09.2009.

³³ Цит по: Turner F. From Counterculture to Cyberculture. Stewart Brand, the Whole Earth Network, and the Rise of Digital Utopianism. Chicago, Univ. of Chicago Press, 2006. P. 117.

³⁴ На связь Интернета и традиционных научных ценностей децентрализации авторитета и свободного обмена информацией указано и в работе Дж. Эббейт. См. Abbate J. Inventing the Internet. Cambridge, Mass. The MIT Press. 3rd ed. 2000. P. 5.

³⁵ Op. cit. P. 139.

инструменты для индивидуального и коллективного спасения. В результате компьютеры, еще в 50-е годы воспринимавшиеся как типичный инструмент бюрократического порабощения и существовавшие в контексте «закрытого дискурса» холодной войны, были включены в принципиально иной дискурс, в рамках которого они превратились в инструмент свободного общения и носителей альтернативной социальности.

Если символический смысл Интернета задается поисками альтернативной социальности и артикулируется в рамках мифа о Спасении через электричество, то можно предположить, что в условиях, когда соответствующая технология окажется в пространстве иной утопии, регулируемой иной метаполитикой речи, ее символический смысл и утилитарные приложения также окажутся радикально иными. Данный тезис можно проиллюстрировать историей создания (точнее, не-создания) в СССР Общегосударственной автоматизированной системы сбора и обработки информации для нужд учета, планирования и управления (ОГАС).

В современной литературе едва ли не общим местом стал тезис о том, что инициатор разработки ОГАС академик В.М. Глушков фактически предвосхитил появление Интернета, и только консерватизм Политбюро ЦК КПСС помешал реализации идеи на практике. Точно также разработанные под руководством В.М. Глушкова компьютеры серии МИР («машина для инженерных расчетов») считаются прямыми предшественниками персональных компьютеров: «"МИР-1" и особенно "МИР-2" с полным основанием могут называться первыми отечественными персональными компьютерами, единственное, чем они отличались – их размеры. Конечно, они были нетранспортабельны, зато в остальном это были самые настоящие ПК: "МИР-2" даже имел дисплей со световым карандашом (предшественник мышки)»³⁶. Данное высказывание четко демонстрирует, как дискурс Интернета как носителя альтернативной социальности, являясь в современной культуре доминантным, подчиняет своей логике и феномены, изначально ему чуждые, так что автор искренне считает главным отличием МИРа от персональных компьютеров то, что в нем использовались транзисторы, а не микросхемы, что делало машину «нетранспортабельной», игнорируя тот факт, что «транспортабельность» важна тогда, когда система человек-машина включена в множественные социальные связи, а не занимает фиксированное место в иерархической управленческой системе.

Особенность общества, в котором формировалась система ОГАС, состояла в том, что это было общество, в котором технократическая утопия, одним из вариантов которой

³⁶ Ревич Ю. Социализм с кибернетическим лицом. «Русский журнал», 14.10.2003 // [Электронный документ]. Режим доступа: <http://www.kinnet.ru/cterra/514/29974.html>. Проверено 15.09.2009.

является миф о Спасении через электричество, была реифицирована, и воплощалась не столько в технических изобретениях, сколько в конкретных вещах. Не случайно в рамках советской утопии миф о Величии электричества делал упор не на коммуникации, а на производстве и потреблении электроэнергии: отсюда культ ДнепроГЭСа (и последующих ГЭС и ГРЭС) и «лампочки Ильича». Электричество воспринималось прежде всего как воплощение полностью контролируемой мощи и силы. Оно не связывало, а сияло и преображало окружающий мир, превращая его из дикого в цивилизованный, и из отсталого – в современный.

Одновременно советское общество было обществом *реализованной* утопии, не предполагавшей наличия альтернативной социальности (во всяком случае, в позитивном аспекте). Это постоянно порождало противоречие между пространством утопии и ее позитивным содержанием: «хотя по своему позитивному содержанию коммунистические режимы были банкротами, ... они в то же время открывали некоторое пространство, пространство утопических ожиданий, которое, между прочим, как раз и дало нам возможность заметить банкротство самого реального социализма»³⁷.

В.М. Глушков мыслил именно в этом зазоре, постоянно сталкиваясь с упоминавшимся в 1 главе противоречием между реальными советскими управленческими практиками, основанными на непубличной конкуренции между различными бюрократическими кланами за доступ к ресурсам, и идеальной управленческой моделью, предполагающей отсутствие у субъектов и объектов управления частных и/или корпоративных интересов. Он был одним из создателей советской кибернетики, дискурс которой едва не стал реальным конкурентом советского новояза, претендуя на роль единственного носителя объективности и правды. Впрочем, к моменту появления идеи ОГАС «новояз» и «кибер-яз» в работах В.М. Глушкова уже слились в единый «ново-кибер-яз»³⁸, исходящий из презумпции единства интересов субъектов управленческого процесса.

В.М. Глушковым была предложена грандиозная программа (которую он сам сравнивал по стоимости с атомной или космической) создания системы взаимодействующих друг с другом вычислительных центров. Главной особенностью данной системы был жесткий иерархизм: «Информационная база ОГАС представляет собой многоступенчатую пирамиду, нижнюю ступень которой составляет информационная база первичных экономических ячеек, а верхнюю ступень –

³⁷ Жижек С. Заметки о сталинской модернизации // Художественный журнал. № 36. 2001.

³⁸ См. Gerovitch S. From Newspeak to Cyberspeak: A History of Soviet Cybernetics. Boston, The MIT Press. 2004. Ср. главу 1, с. 19 – 20.

информационная база общегосударственных органов управления»³⁹, а главной задачей – обеспечение полноты передаваемой информации по бюрократической цепочке. Внешне картина должна была выглядеть следующим образом: ««работники управленческого аппарата снабжаются терминальными устройствами со специальными экранами, называемыми дисплеями, который внешне напоминают собой телевизор со встроенной в него пишущей машинкой и телефонным аппаратом. Каждое из таких устройств соединяется с информационно-вычислительным центром каналом связи, в качестве которого может быть использован обычный телефонный канал. При необходимости получения той или иной справки в ИВЦ, сотрудник, у которого установлен такой пульт, набирает номер ИВЦ..., и его пульт подсоединяется к ЭВМ. Печатающая на машинке тот или иной запрос, он получает ответ от машины на телевизионном экране: это может быть текст документа, различного рода справки..., или, наконец, ответ, полученный в результате решения ЭВМ той или иной сложной задачи расчетного характера. Существуют экранные дисплеи, которые при нажатии специальной кнопки практически мгновенно изготавливают ксерографическую (бумажную) копию документа... Каждое такое копирование, равно как и каждый вызов документа на экран автоматически регистрируется ЭВМ, которая таким образом ведет точный учет количества изготовленных копий каждого документа»⁴⁰. Очевидно, что участники здесь не общаются – они черпают информацию из некоего общего ресурса, который постоянно пополняется, но при этом сохраняет четкую и прозрачную структуру.

В.М. Глушков хорошо понимал, что предлагает не только технологическую, но и управленческую революцию, однако революция эта мыслилась им как всеобщее упорядочивание функций, осуществляемая из единого центра. В результате за стройным образом пирамиды взаимодействующих вычислительных центров вставал образ совсем других пирамид: «дело ведь не в том, чтобы повсюду настроить вычислительные центры соединить их каналами связи (это можно было бы сделать еще в 60-х годах). Но такую сеть, лишенную соответствующей информационной «начинки», с точки зрения хозяйственной полезности можно было бы уподобить египетским пирамидам»⁴¹. Зазор между утопическими ожиданиями и позитивным содержанием воспроизводился постоянно, и усиленные попытки закрыть его путем тотального «АСУчивания» (как ядовито стали называть построение сети автоматических управленческих систем к семидесятым годам) только подтверждали его неустранимость.

³⁹ Глушков В.М. Социально-экономическое управление в эпоху научно-технической революции. Киев, 1979. С. 49.

⁴⁰ Глушков В.М., Добров Г.М., Терещенко В.И. Беседы об управлении. М., 1974. С. 155.

⁴¹ Глушков В.М. Там же.

Характерно, что В.М. Глушков искренне считал недостатком «сетей ЭВМ в капиталистических странах» то, что они «относительно просты по структуре и слабо увязаны с контурами социального управления» и постоянно подчеркивал, что «наши сети, объединяемые в ОГАС, создаются целевым порядком, для решения определенных задач планового управления»⁴². Иными словами, утопическое пространство, в котором разворачивалась идея ОГАС, делало в принципе невозможным высвобождение коммуникативного потенциала такой системы. Советский Интернет не получился не потому, что для этого не было технических возможностей – его заблокировало то дискурсивное утопическое пространство, в котором он должен был разворачиваться.

Данный пример подтверждает тезис о том, что постмодернистский дискурс, анализируя логику Интернета, на самом деле воспроизводит в мистифицированной форме антикапиталистический и контркультурный дискурс, в пространстве которого Интернет и сформировался. Чудесное совпадение ожиданий постмодернистских теоретиков и реальности Интернета вовсе не является чудом – перед нами классический случай реификации дискурса через латентную логику развития технологии, с последующим превращением данной технологии в трансцендентальный объект.

⁴² Глушков В.М. Для всей страны. «Правда», 13.12.1981.